

двору, деятельного и, судя по форме его «Глав», обладавшего литературным даром.

Далее, выясняется религиозно-церковное направление, в котором мыслил наш публицистически настроенный автор. В этом отношении он глубоко отличен, например, от И. С. Пересветова.

Более того, наш автор обнаруживает большую осведомленность в библейских текстах, искусство в подборе их для обоснования своих идей, что позволяет предполагать в нем профессионала, обладавшего большой специфической образованностью.

Концовка главы 10 «Ко всякому человеку и о скорби и о радости» с ее обращением: «Сие чадо разумевай. Бог же мира да будет с тобою веки» — могла быть написана лицом, считавшим себя духовным отцом верующих. Отсюда обращение к «чаду». Можно высказать предположение и о месте, занимаемом нашим автором в церковно-иерархической лестнице. В том единственном обращении к архиепископам и епископам, которое имеется в наших «Главах», оно оканчивается словами: «Бог же мира да буди с тобою, господи и мой, веки». Так не мог писать ни архиепископ, ни епископ, обращаясь в равнопоставленным духовным лицам. Для этого существовала определенная формула, а именно: «святейшему и боголюбивому и о святом душе брату и сослужебнику...» (ср., например, послания архиепископа Геннадия к епископу Прохору, к епископу Нифонту, к архиепископу Иосафу).²⁵ Обращаясь не к конкретному лицу, а вообще к «архиепископам и епископам», т. е. в таком случае, как это имеет место в нашей «Главе», писали: «святейшим и боголюбивым брати и нашей архиепископом и епископом...» (ср. послание архиепископа Геннадия собору епископов в 1490 г.).²⁶ И только обращаясь к вышепоставленным иерархам, духовные лица писали: «Господину государю преосвященному владыце...» (ср. послание Иосифа Волоцкого епископу Нифонту)²⁷ или, как например в обращении Геннадия к митрополиту Зосиме: «Господину отцу моему...».²⁸

Наш церковнослужитель обращается к архиепископам и епископам не как к «братии», но со словом «господини», что в нем самом позволяет предполагать священника.

Далее этот близкий ко двору священник, обращавшийся с литературными произведениями к царю, вельможам, церковным иерархам и просто «ко всякому человеку», был, как показано, современником казанских событий.

Писателем-публицистом, церковно образованным, стоявшим во время казанских событий близко к царскому двору, был, по предположению И. Шляпкина, «протопоп Спасской с дворца Ермолай», упоминаемый под 1555 г. в Никоновской летописи. Кстати заметим, что единственное летописное свидетельство о спаском протопопе Ермолае связано именно с казанскими событиями. В 1555 г. состоялось поставление игумена Селижарова монастыря Гурия в архиепископы вновь образованной казанской архиепископии. В ряду иерархов, участвовавших в богослужении по поводу поставления первого казанского архиепископа, мы застаем спаского протопопа Ермолая. На церемонии поставления, свидетелем которой был Ермолай, присутствовал Иван IV. Можно продолжить параллель между

²⁵ Напечатаны в приложениях к книге Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье «Антифеодальные еретические движения на Руси в XIV—начале XVI века» (М.—Л., 1955), соответственно стр. 309, 312, 315.

²⁶ Напечатано в указанной книге Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье (стр. 379).

²⁷ Там же, стр. 419.

²⁸ Там же, стр. 373.